

ЗАБАРЖАДА (Забаржад) - знакомая Т. Шевченко в Оренбурге.

"Изредка устраивались вечера с дамами, причем неизменной подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замечательной красоты". (Ф.М. Лазаревский. "Из воспоминаний о Шевченко").

В связи с этой фигурой можно высказать два предположения: первое - Забаржад изображена А. Ф. Чернышевым в его рисунке "Татарка" ("Русский художественный листок", 1851, № 20), второе - к ней обращено стихотворение "І станом гнучим і красою" (II, 259-260) - одно из прекрасных шевченковских стихотворений о любви.

ЗАБЕЛИН, Иван Егорович (1820-1908) - историк и археолог, знаток Москвы.

В 1837 г. совсем еще юный Забелин поступил на должность канцелярского служащего второго разряда в Оружейную палату, где, со временем, проявил себя как один из крупных знатоков истории материальной культуры. Впоследствии Забелин, уже признанный ученый, сыграл выдающуюся роль в организации Исторического музея, научным руководителем которого являлся до конца своей жизни. Огромная коллекция, собранная Забелиным, вошла в фонды отделов рукописей и письменных источников этого музея и представляет собою ценнейшее собрание документов и материалов XVI-XIX веков.

Забелин был близок к передовым кругам интеллигенции Москвы, дружил со многими писателями, журналистами, актерами. В 50-х годах сотрудничал в "Современнике".

Т. Шевченко познакомился с ним 21 марта 1858, когда вместе с М. С. Щепкиным побывал у него дома, имея желание видеть Забелина своим гидом в Оружейной палате. "Это молодой еще человек, самой симпатической, кроткой физиономии, обитающий не в квартире, а в библиотеке. Он не совсем здоров, и я не решился просить его показать мне Оружейную палату..." (V, 215).

Следует отметить, что среди рукописей литературных произведений XVII-XIX веков, собранных Забелиным, имеются и стихотворения Т. Шевченко. Они, как и другие материалы коллекции, особенно переписка 50-60-х годов (ГИМ, ф.440), требуют пристального внимания со стороны шевченковедов.

ЗАБРОДИН, Аверьян - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

В 45-м флотском экипаже служил с 1840; матросом первой статьи стал перед отправкой на Арал, куда следовал в команде унтер-офицера своей, первой, роты Абизарова.

На шхуне "Константин", вместе с Шевченко, Забродин провел обе навигации, а на Кос-Арале - зимовку.

ЗАВАДСКИЙ, Ипполит (Хипполит) Людвигович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

В 1846 г. Завадский был привлечен к следствию по делу "О намерении некоторых служителей горных заводов Царства Польского присоединиться к краковским мятежникам и подговорить к тому рекрут, для работ на заводах находившихся". Главными зачинщиками оказались Ипполит Завадский и Станислав Круликевич, их соучастниками - Роберт Копровский и Людвиг Турно. Завадский и Круликевич были "наказаны шпицрутенами чрез пятьсот человек по два раза", а затем, как и названные соучастники, отданы на военную службу, но, в отличие от них, без выслуги. (ИЛ, ф.1, д.437).

В пятый линейный батальон Завадский прибыл в феврале 1847. Он, как и Круликевич, находился в Орской крепости в течение всего периода пребывания там Шевченко. Есть все основания полагать, что Ипполит Завадский и Станислав Круликевич были одними из первых поляков, с которыми поэт познакомился в самом начале своей солдатчины и к которым он обратил свое стихотворение "Полякам" (II, 51-52). Начальный вариант его, как известно, написан в Орской крепости в 1847-1848.

Вероятно, именно Завадский свел Шевченко с группой политических изгнанников - А.В.Ханыковым, В.К.Докальским, Ф.Г.Грудзинским, Э.Ф.Пожерским и связанными с ними прапорщиками П. Ф. Гурьевым и П. А. Невельским в июне-сентябре 1850, когда поэт находился в Орской крепости под арестом.

В этом кружке Завадскому принадлежала ведущая роль. После ареста, во время обыска, у него было найдено наибольшее количество недозволенных книг и записей. Записи касались не только событий исторических, но и жгуче-современных - например, о революции 1848 во Франции.

"Завадский должен обращать на себя строжайшее противу других внимание в политическом отношении", - сказано в одном из документов следствия. Это же подчеркнуто в приговоре. Завадский в нем назван первым, и приговор в отношении его особенно строг: отправка "в отдаленнейший батальон Восточной Сибири" с учреждением "наистрожайшего надзора".

В 1856, находясь на службе в 14-м Сибирском линейном батальоне, Ипполит Завадский был произведен в унтер-офицеры, а два года спустя получил право вернуться на родину. (ГАРФ, ф.109-и, I эксп., д.82, лл.1-82).

ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ: ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

С матросами и унтер-офицерами 45-го флотского экипажа Тарас Шевченко познакомился в Аральской экспедиции.

Знакомство продолжалось и дальше - в Новопетровском... в Астрахани...

Ефрем Загребельный происходил из крестьян Уманского уезда Киевской губернии, от роду имел сорок лет, был неграмотным.

Горькая доля крепостного подтолкнула его искать хоть какой-то видимости свободы. Но уже на Херсонщине крестьянина схватили. И сразу - в арестантские роты.

После нескольких лет мучений в этих ротах определили его в "нижние чины". И продолжал Загребельный тянуть свою тяжкую ляжку. Тянуть без всякой надежды на то, что когда-нибудь придет ей конец.

Появилась, правда, такая надежда во время Крымской войны. И он, и его товарищи держались стойко, дрались героически. Но потом увидели, поняли: надежды были напрасными.

Командир 45-го флотского экипажа, давая в процессе следствия свои пояснения, не мог не признать, что "все нижние чины,... находясь в г.Севастополе в составе гарнизона в продолжение одиннадцатимесячного бомбардирования неприятелем, доведены были до совершенной крайности в одежде, а при внезапном выступлении из города войск все имущество их, как частное, так и казенное, предано пламени". А дальше? "В таком положении люди шли в Николаев, а оттоль, по снабжении их необходимою для пути теплою одеждою, были отправлены в г.Астрахань.

Постоянный пятимесячный путь в зимнее ненастное время был... причиною того, что и вновь выданная людям одежда также пришла в ветхость. Когда же он (экипаж - Л. Б.) прибыл в Астрахань, то хотя и требовал <командир> следуемые им годовые на 1856 год материалы, но по неимению таковых при порте не было отпущено, и он <опять же командир экипажа и автор пояснения>, видя крайность людей в одежде, просил разрешения капитана над Астраханским портом, чтобы позволено было людям, остающимся от нарядов налицо, увольнять на вольные работы для поправления одежды..."

Стал получать такие увольнения и Ефрем Загребельный. Деньги, им заработанные, исправно записывались "на приход". Сам же мастеровой чувствовал себя с каждым днем хуже: его засасывала тоска. Однажды, возвращаясь с "вольной работы", он зашел в питейный дом и попросил

водки. В экипаже рядового ждало за это наказание. Тогда Загребельный решил не возвращаться. Тайком пробравшись в казарму, он взял скрипку, с которой не расставался, и ушел. Играл людям, изливая горечь своей души. Люди его кормили-поили. Ночевал где-попало. Однако утешение было недолгим. Через неделю, не в силах более скрываться, он вернулся с повинной. А несколько дней спустя, прогнанный через строй шпицрутенов, Загребельный отправился в арестантские роты - "для зачисления в разряд всегдашних арестантов с содержанием в оковах". "Всегдашних" - значит, бессрочных. (РГАВМФ, ф.836, оп.1, д.2, лл.80-81, 84).
О Загребельном Шевченко могли рассказать многие его астраханские знакомые из 45-го флотского экипажа.

ЗАЛЕСКИЙ, Бронислав Францевич (1820-1880) - рядовой, а затем унтер-офицер и прапорщик линейных батальонов Отдельного Оренбургского корпуса.

Б. Залеский родился в дворянской семье Минской губернии. Получив домашнее воспитание и пройдя курс гимназии, он в 1837 поступил в Дерптский университет, но уже год спустя, за участие в кружке польских студентов, связанном с конспиративной организацией Ш.Конарского, был исключен и арестован. После двухлетнего пребывания в тюрьме, где находился на положении подследственного, Залеский был выслан в Чернигов. Ссылка закончилась в 1845. По возвращении он поселился в Вильно и вновь установил связи с участниками польского освободительного движения. В 1846 последовал второй арест. По окончании следствия Залеского приговорили к отправке рядовым в линейные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса.



Б. Ф. Залеский
Автопортрет
1850

Здесь Залеский служил с 1848 по 1856 - во втором, четвертом и девятом линейных батальонах. Командированный в 1851 в состав Каратауской экспедиции А.И.Антипова, он по возвращении был "за отлично-усердную службу" произведен в унтер-офицеры. В 1853, за отличия под Ак-Мечетью, получил производство в офицеры. 12 июня 1856 его, прапорщика 2-го линейного батальона, со службы уволили.

Выехав на родину, служил в редакционных комиссиях по подготовке крестьянской реформы. В 1860 получил заграничный отпуск и более в Россию не возвратился. Находясь за рубежом, Залеский поддерживал связи в революционными организациями, готовившими новое выступление; ему, в частности, была поручена покупка оружия для повстанцев Литвы и Белоруссии. В течение многих лет сотрудничал в польской эмигрантской прессе, он снискал популярность как историк, а также художник - автор рисунков из жизни степных народов. Умер Залеский от туберкулеза; смерть настигла его в Ментоне. (В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр. 63-64; ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044, 1388).

Бронислав Залеский был одним из самых близких друзей Т. Шевченко периода неволи. Так как их многолетние приятельские отношения уже получили весьма подробное освещение в трудах шевченковедов, ограничимся лишь расстановкой главных вех их дружбы, чтобы далее остановиться на отдельных вопросах, достаточного освещения не получивших или трактуемых не во всем основательно.

Начало их личных связей относится к ноябрю 1849, когда, по возвращении Аральской экспедиции в Оренбург, Залеский, как "умеющий рисовать", был прикомандирован в помощь Шевченко "для отделки гидрографических видов берегов Аральского моря". Оренбургские их встречи увековечены

А. Ф. Чернышевым в рисунке, условно называемом "Шевченко среди польских ссыльных", где запечатлен и Залеский. Однако по-настоящему сблизились они во время совместного пребывания в Каратауской экспедиции по разведке месторождений каменного угля, где вместе, в одной палатке, провели три месяца.

Сразу по возвращении Залеского в Оренбург между ним и Шевченко завязалась переписка, которая не прерывалась в течение всего периода солдатской службы поэта; продолжалась она и в последующие годы.

Залеский стал надежным "связным" между Шевченко и ссыльными в Оренбурге, Уфе, Ак-Мечети, Богословске, в том числе З. Сераковским, Э. Желиговским, А. Плещеевым и другими. Через него узнавал поэт обо всем новом в жизни оренбургской колонии политической ссылки. От него он получал кисти, краски и все другое для занятий живописью. Бесценной была помощь друга в продаже художественных работ Шевченко, имевшая большое значение для улучшения материального его состояния, а, кроме того, положительно влиявшая на моральное самочувствие изгнанника, который видел в этом один из важных каналов своих связей с внешним миром. Наконец, в переписке содержится и обмен мыслями по вопросам искусства; в этом между ними с самого начала знакомства сложились отношения учителя-ученика, и Шевченко, как заботливый наставник, давал Залескому практические советы, вытекавшие из собственного опыта.

Ни один исследователь жизни и творчества Шевченко не может обойтись ныне без изучения переписки его с Б. Залеским.

Большой интерес представляют комментарии Б. Залеского к письмам друга, опубликованные Иваном Франко в сборнике "Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті" (Львов, 1890, стр. 23-56). К сожалению, последующие их публикации весьма неполны и "дословный перевод", о котором заботился И. Я. Франко, до читателя не доводится.

Лишь частично введены в научный оборот шевченковедения воспоминания Залеского об оренбургской ссылке: "Wygnan cy Polsku w Orenburgu" ("Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu, na rok 1866", Париж, 1867).

Следует сказать еще об одном источнике, пока, к сожалению, доступном немногим. Речь идет о письмах Залеского и Л. Турно, адресованных главным образом А. Венгржиновскому. Оригиналы их хранятся в Ягеллонской библиотеке, в Кракове, а 213 листов фотокопий - в Киевском Государственном музее Т. Шевченко. Научное издание этого эпистолярного богатства давно назрело. Оно послужило бы дальнейшей углубленной разработке проблем взаимосвязей деятелей русского, украинского и польского общественно-политических движений, более широкому изучению обстановки, в которой протекали годы изгнания поэта. Публикация этой переписки, требующая больших усилий текстологов, переводчиков, комментаторов, - одна из важных задач источниковедческого характера.

Наконец, еще не отыскан весь архив Залеского, который, будучи обнаруженным, мог бы открыть немало материалов для шевченковской науки.

Обратимся, однако, к отдельным моментам деятельности Б. Залеского, вызвавшим, судя по переписке с Шевченко, живой интерес поэта.

"... С(игизмунд)... пишет мне, что ты оставляешь военное сословие и делаешься библиотекарем Оренб(ургской) публичной библиотеки. Дал бы Бог!" - так писал Шевченко Залескому. (VI, 103).

"Я чрезвычайно рад, что тебе поручена новая библиотека; лучше для тебя занятия я не мог бы придумать", - заметил он в феврале 1855. (VI, 110-111).

Обнаруженные автором архивные дела (ГАОО, ф.6, оп.6, д.хр.13321, 13225) раскрывают историю библиотеки, содержание фондов и роль Залеского в ее организации.

Планомерные закупки книг для библиотеки при канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора начались в 1853 г. За эту работу активно взялся видный деятель края ученый-востоковед В.В.Григорьев. Под его руководством были закуплены, прежде всего, издания историко-краеведческого характера, книги о Средней Азии, литература справочная. В первом же списке приобретений значится пушкинская "История Пугачевского бунта", "Описания киргиз-кайсацких степей", сочинения Палласа и другие. Поставщиками новой библиотеки стали книжные лавки А.Смирдина, П.Крашенинникова, Н.Сеньковского. За ее устройством ревностно следил генерал-губернатор В.А.Перовский. Когда штабс-капитан А.И.Антипов попросил в июне 1854 книгу Палласа, намереваясь воспользоваться ею в экспедиции, Перовский наложил категорическую резолюцию: "Брать с собою из Оренбурга не позволяю".

По его, Перовского, предложению был составлен каталог библиотеки. Эту работу выполнил, главным образом, Залеский, получивший за нее в апреле 1855 денежную награду.

Библиотека расширялась. Сюда поступали "даровые приношения" (к примеру, книги из Казанского университета) и литература, выписанная из столичных лавок. Всю переписку по заказам вел Залеский; каждая книга проходила через него. В названном деле № 13321 имеется двадцать семь собственноручных расписок Залеского по поводу всевозможных библиотечных трат. Последняя запись его рукой сделана незадолго до отъезда на родину. Военное сословие он оставил с радостью, но в библиотекари не пошел.

Как свидетельствует переписка, Шевченко получал от Залеского и книги. Надо полагать, что друг поэта умел в данном случае губернаторский запрет обходить.

Шевченко искренне интересовался художественным творчеством Залеского, и отголоски этого можно найти в большинстве их писем. Тем более заслуживают дальнейшего изучения все его работы, в том числе альбомы, хранящиеся в Государственном Музее Т. Шевченко (Киев).

Альбом из 41-го листа (№№ 1690-1730) состоит из рисунков, сделанных преимущественно во время похода на Ак-Мечеть. Залеским здесь, безусловно, выполнены зарисовки стен, башен, ворот бывшей кокандской крепости (лл.29-31, 33-38). Что касается других работ, то они, вероятно, принадлежат разным художникам, авторство которых еще предстоит установить. Как все это оказалось в альбоме Б. Залеского? Думается, что альбом именуется так неправомерно. Точнее полагать его одним из альбомов Перовского.

Среди доказательств - характерный губернаторский почерк в подписях к отдельным листам, в том числе выполненным Залеским (лл.29, 31 и др.).

Другой альбом, состоящий из 55 листов, именуется "Альбомом Б. Залеского" более обоснованно, хотя и не представляет работ только Залеского. Но ими, прежде всего, он ценен. Не разбирая скромных художественных достоинств рисунков, мы не можем не обратить внимания на то, что они позволяют уточнить ряд мест из переписки друзей.

В письме от 6 июня 1854 Шевченко выражает восхищение "девственной, торжественно прекрасной" уральской природой, желание провести хотя бы час "в дремучем сосновом лесу, под темной тенью широковетвистой, мрачной, как дума Оссиана, ели" (VI, 100). Представление о природе Среднего Урала он получил благодаря Залескому, находившемуся тогда в Богословске. На одном из листов альбома (инв.№ 379) именно такие (если не те же) "оссиановские" деревья; в глубине - рабочее селенье с возвышающейся над ним заводской трубой. Рукой автора проставлена дата: "1854".

В письме от 25 сентября 1855 Шевченко восторженно радуется получению "драгоценного подарка" - портрета Э.Желиговского (А.Совы). Можно предположить, что речь идет о том портрете, который значится в альбоме под инв.№ 386.

На рисунке с инв.№ 388, помеченном: "Оренбург, 1854", - О.Н.Бутакова, жена известного морехода и исследователя. Тот факт, что Залеский был вхож в эту семью, дает возможность более точно адресовать отдельные приветы "Алексею", которые содержатся в шевченковских письмах этого года.

Последние листы альбома заняты стихами на польском и русском языках; авторами их являются Э.Желиговский и А.Плещеев.

"Благодарю я тебя и за прекрасные песни Совы: мне особенно понравились из них "Два слова" и "Экспромт"..." - писал Шевченко Залескому 6 июня 1854. На листе с инв.№ 376 переписаны польские стихотворения. Одно из них: "Gedno Slowo na pamid 1854 a 18 Janw." Судя по названию и характеру стихотворения это и есть тот самый "Экспромт", который заинтересовал Шевченко. Здесь уместно сказать, что сравнение оригинала стихотворения "Два слова" с переводом сделанным А.Плещеевым, оказалось у Шевченко явно не в пользу поэтически-вольного переложения на русский язык, также присланного ему Залеским. (VI, 104).

Разносторонние связи Т. Шевченко с представителем польской революционной ссылки Б. Залеским, здесь лишь очерченные, нуждаются в специальном изучении. При этом непременно должны быть пересмотрены работы Залеского-художника: среди них могут оказаться и еще не атрибутированные шевченковские произведения.

Такие предположения относятся и к составу альбома "Сувенир Оренбурга. 1842-1851)" - инв.№№ 1174-1216. Сомнительно, чтобы в альбоме Обручевых, в доме которых Шевченко бывал как художник, оказались только копии его рисунков. Нельзя забывать, что Залеский являлся и весьма активным копиистом; копии также могут навести на след утраченных (или не выявленных еще) подлинников Шевченко.

РАССКАЗ О ЧУДЕСНОЙ НАХОДКЕ

Впервые я узнал об этом из маленькой заметки в еженедельнике "Польское обозрение" за 7 апреля 1970 года. "В архиве краковской библиотеки Чарторьских, - сообщалось в ней, - найдено 14 писем Т. Шевченко поляку Б. Залескому - участнику заговора против царского самодержавия. Вместе с письмами Шевченко, хранящимися в Ягеллонской библиотеке, они дают полное представление о переписке 1853-1857 гг. между обоими борцами за социальное и национальное освобождение, которые встретились и подружались в оренбургской ссылке".

Уже в следующем номере того же польского еженедельника была опубликована статья Згибнева Войнара - научного работника библиотеки Чарторьских в Кракове.

"Весной 1872 года в Курник, под Познанью, было привезено из Парижа библиотечное собрание "Отеля Ламбер" - местопребывания Чарторьских в эмиграции - и оставалось там вплоть до 1876 года, когда оно было передано в Краков, - вел рассказ Войнар. - В коллекции собраны богатые рукописные материалы, принадлежавшие политическим деятелям лагеря Чарторьских. К этим лицам относился и Бронислав Залеский - один из видных представителей этого лагеря после январского восстания 1863 года.

Разбирая материалы Залеского, я обратил внимание на небольшой пакетик с 14 письмами, написанными по-русски. Они не были подписаны, и только в конце одного из них виднелась буква Т. Из-за отсутствия подписи и очень неразборчивого почерка ими никто не заинтересовался вплоть до настоящего времени. Чтобы найти ключ к разгадке авторства писем, пришлось внимательно проследить все пути бурной жизни Бронислава

Залеского..."

Из цитированной выше статьи в "Польском обозрении" за 14 апреля 1970 года читатели узнали, что судьба писем, действительно, была весьма необычной.

Оказавшись в 60-х годах XIX в. в Париже, Залеский намеревался опубликовать письма Шевченко - по-польски - в "Ежегоднике Литературно-исторического общества". Это не удалось. Тогда он решил передать письма издательству Академии наук в Кракове. Но и тут публикация не состоялась. Следы автографов затерялись.

Влодзимеж Спасович, критик и литературовед, развернул их поиски. Найти, однако, удалось только копии. Они обнаружили у Юзефа Крашевского в Дрездене. Их получил М. Драгоманов, которому и принадлежит честь обнаружения этих писем в первых трех номерах "Киевской старины" за 1883 год. Со временем при разборе архива Крашевского была выявлена еще одна копия тех же писем.

Как установил М. Павлык, нашедший новый список, между ним и опубликованным в "Киевской старине" оказались различия. Иван Франко, заинтересовавшись находкой, установил, что она, по всему судя, была когда-то в руках самого Залеского, который снабдил сделанную копию собственными примечаниями. На основе ее И. Франко сделал ряд уточнений и дополнений к журнальной своей публикации. ("Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті". Львов, 1890). Сама же копия, им использованная, ... затерялась, исчезла.

Комментируя шевченковские письма к Б. Залескому, исследователи нередко сетовали на неточность обеих публикаций. Но об автографах не знали ничего. И вот они нашлись!

"Письма, как уже говорилось, не были подписаны, - отмечал наш польский коллега, - а архив Бронислава Залеского был систематизирован совсем недавно, поэтому без малого сто лет(!) не было известно об оригиналах шевченковских писем". Однако, в конце концов, "переписка двух друзей дождалась до наших дней". Добавим - к общей радости всех, кому дорого имя и творчество Тараса Шевченко!

Публикация оригиналов ("Радянськелітературознавство", 1971, № 6) обнаружила в письмах десятки серьезнейших разночтений, подтвердив, что открытие имеет поистине исключительное литературно-биографическое значение.

Позднее, из газеты "Літературна Україна" (1970, 12 июня), мы узнали, что находка в Кракове не была случайной, а явилась результатом совместных поисков исследователей львовских и краковских. Толчок к успешно закончившейся "операции" дало обнаружение в отделе рукописей Львовской государственной научной библиотеке АН Украины неизвестного ранее письма Б. Залеского к генеральному секретарю Академии наук в Кракове Ю. Шуйскому. Оно-то и навело на след.

ЗАЛЕСОВ, Николай Гаврилович (1828-1895) - прапорщик Оренбургского линейного батальона № 3.

В дальнейшем Залесов - старший адъютант, квартирмейстер 23-й пехотной дивизии, обер-квартирмейстер Оренбургского корпуса и др. В конце жизни - генерал от инфантерии и член Военного совета.

С Шевченко Залесов познакомился в 1850 г. - "хотя, к сожалению, - как пишет он сам, - не на долго, ибо Обручев, найдя пребывание его в Оренбурге почему-то небезопасным, отправил

Шевченко в заброшенный в пустыню Александровский форт, куда даже офицеров посылали в виде особого наказания".

"Записки Н.Г.Залесова", опубликованные в журнале "Русская старина" (книги четвертая-шестая за 1903 г.), являются ценным источником для характеристики Оренбурга и Оренбургского края шевченковских времен. В воспоминаниях много живых портретов офицеров и генералов, имена которых известны по биографии поэта. Эти "Записки" в научный оборот шевченковедения введены нами.

ЗАЛЬЦ, Владимир Иванович - комендант Санкт-Петербурга, барон, генерал-майор.

К нему, коменданту, было обращено письмо дежурного генерала военного министерства П.Н.Игнатъева о выделении в инспекторский департамент "одного часового из ближайшей к департаменту гауптвахты" для "содержания под арестом одного секретного арестанта". Арестантом являлся Т. Шевченко, пост был упразднен "в самом непродолжительном времени" ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.131).

Имя "барона Зальц" (с нелестным эпитетом) есть в записи Дневника, но в связи с женою его, "купленной б... растленного сатрапа Перовского". (V, 185). Однако идентичность коменданта Зальца и Зальца из дневниковой записи остается еще под вопросом.

ЗАРЯНКО Н. - журналист, муж Нат.И.Усковой.

Впервые рассказ о Шевченко Н.Зарянку услышал от Н.И.Усковой в 1882 году. Тогда же он записал его и вскоре опубликовал под заголовком "Воспоминания Наты о дяде Тарасе" ("Санкт-Петербургские ведомости", 1882, № 75). Впоследствии, собрав дополнительные материалы, в том числе шевченковские письма, Зарянку напечатал более обстоятельную статью: "Воспоминания Н.И.Усковой о Т. Г. Шевченко" ("Киевская старина", 1889, февраль, стр.297-313).

Брак Усковой и Зарянку продолжался недолго. По мнению Над.И.Усковой, Зарянку был непосредственным виновником исчезновения шевченковских реликвий, относящихся к мангышлакскому периоду его жизни: портрета Натальи с дарственной надписью автора и книги, "которую сам Тарас Григорьевич получил как подарок от какой-то столичной княжны, тоже с автографом поэта" (И. Пронин. "В гостях у друга Т. Г. Шевченко". "Життя й революція", 1928, март, стр.121).

ЗАХРЯПИН, Николай Васильевич - оренбургский мещанин, приказчик компании рыбопромышленников на Аральском море. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5960).

Цена долголетний опыт и личные качества Захряпина, А. И. Бутаков брал его в плавания на шхуне "Константин" и всячески содействовал разведкам новых мест богатых уловов. "Попутный ветер и бородатый капитан Захряпин то и дело напоминают мне, что... пора сниматься с якоря..." (Указанное архивное дело, лл.64-66).

"Он (Захряпин - Л. Б.) говорил о выгоде устройства здесь в обширном размере рыбопромышленной ватаги". ("Дневные записки плавания А. И. Бутакова по Аральскому морю", стр.29). Захряпин служил также переводчиком в переговорах русских участников экспедиции с "киргизами и туркменцами" (Там же, стр.22).

Живые характеристики Захряпина оставил А. И. Макшеев в книге "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю". (СПб, 1896). "Один из приказчиков компании, Николай Васильевич Захряпин, человек весьма умный, наблюдательный, отлично знавший по татарски и чрезвычайно красноречивый, но по временам сильно запивавший, рассказывал мне много курьезного о рыбаках". (стр.55). "Во время пути меня удивила громадная популярность, которою пользовался Захряпин

среди сырдарьинских киргиз. С берегов... постоянно слышались ему теплые приветствия: "аман Микелей! аман!". (стр.75).

На шхуне "Михаил", под командой Захряпина, плавали лоцман Андрей Постнов, кормщики Николай Агафонов, Семен Шилкин, рабочие Иван Кириллов, Василий Козлов, Иван Колтурин, Иван Жаворонков, казак из поселян Петр Цыцылин. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134).

Т. Шевченко общался с Захряпиным и другими рыбаками в 1848-1849 гг. Захряпин, бесспорно, был одной из колоритных фигур, привлекавших его внимание.

ЗБРОЖЕК, Фома (Томаш) Иванович - старший врач 17-го рабочего экипажа в Астрахани.

Медицинское образование Зброжек (род.в 1821) получил в Киевском университете. По окончании курса наук (1850) был направлен в Севастополь. В 1853-1856 участвовал в Крымской войне - в том числе в Синопском бою и Севастопольской обороне. С июня 1856 служил в Астрахани.

Здесь, в Астрахани, и состоялось знакомство Зброжека с Т. Шевченко, вылившееся в крепкую, хотя и короткую по времени, дружбу. Подтверждением ее могут служить, прежде всего, записи в Дневнике - сделанные Шевченко и Зброжеком. (V, 107-108).

ЗЕЛЕНКО, Михаил Фадеевич (в монашестве Кандид; 1797-1860) - польский ссыльный, ксендз Оренбургской римско-католической церкви.

Зеленко родился в небогатой дворянской семье Виленской губернии. Первоначальное образование получил в уездном училище Ковно, а затем, в 1815, приняв монашество, одновременно прошел и "высший семинарский курс", окончив его "со степенью лектора богословия", и полный курс наук по этико-филологическому факультету Виленского университета. После этого Зеленко назначили учителем польского красноречия и латинского языка в Несвижское уездное училище, откуда в 1825 он был переведен в Гродненскую доминиканскую гимназию, где впоследствии стал префектом. Эта гимназия в бытность здесь Зеленки превратилась в один из очагов свободолюбия.

После восстания 1831 г., в котором участвовали и гродненские гимназисты, власти гимназию закрыли, а префекта, вступившегося за своих учеников, выслали в Оренбургскую губернию, куда он был доставлен в конце 1833-го. Долгое время оставаясь не у дел, Зеленко в Оренбурге терпел крайнюю нужду, но бескорыстно служил соотечественникам, также в эти места сосланным. Два года спустя, в 1835-м, когда ему разрешили переехать поближе к родным местам, изгнанник отказался - "не изъявил согласия".

Только в 1839 последовало решение о назначении Зеленко ксендзом Отдельного Оренбургского корпуса. К тому времени он давно уже стал для польских ссыльных признанным "духовным отцом". Губернаторы - сначала В.А.Перовский, затем В.А.Обручев и снова Перовский - официально свидетельствовали, что Зеленко "приобрел доверенность и расположение поляков, пользуется там общим хорошим мнением" и что "своими советами удерживает от предосудительных поступков". Тем не менее, характеризуя его как вполне благонадежного, начальники губернии полагались на Зеленко далеко не во всем.

"Однажды оренбургскому губернатору В.А.Обручеву донесли, что в местном костеле по вечерам виден огонь и что там собираются на тайные сходки ссыльные поляки. Получив это донесение, В.А.Обручев в сопровождении плац-майора Халецкого и полицмейстера полковника Демостико нагрянул внезапно вечером к костелу и, заметив там свет, тотчас потребовал ксендза Зеленку и приказал ему отворить костел. Когда вошли во внутренность его, то в нем никого не оказалось, и В.А.Обручеву пришлось извиниться перед ксендзом Зеленкой за излишнюю поспешность: не трудно

было убедиться в том, что свет в костеле происходил от лучей заходящего солнца, ударявших прямо в разноцветные стекла окон алтаря".

В этом эпизоде, приведенном (как и ряд других, сообщенных здесь, фактов) в книге "Бывший префект Гродненской гимназии, иеромонах Доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге" (Оренбург, 1913), проявилось подлинное отношение властей к оренбургскому ксендзу. Об этом же свидетельствует тот факт, что в течении многих лет Зеленко оставался в списках лиц, состоящих под надзором полиции. От надзора его освободили только 15 марта 1857.

Важную роль сыграл Зеленко в культурной жизни края: при его участии создавались оренбургский музей, училище лесоводства и земледелия, благотворительные общества.

(Кроме названной книги, сведения о Зеленко имеются в архивных делах: ГАОО, ф.6, оп.18, д.215, 303, 375. Содержащиеся в делах собственноручные подписи ксендза дают возможность устранить разницу в написании его фамилии. Сам он писал не Зеленка, а Зеленко).

Т. Шевченко мог впервые узнать о Зеленко от своих польских знакомых в Орской крепости, а лично познакомиться с ним - тоже при посредстве друзей-поляков - в Оренбурге, зимой 1849-50. С Зеленко были близки Б. Залеский, М.Цейзик (являвшийся старостой римско-католической церкви), Кирши и др. Не без его, Зеленко, участия Шевченко вошел в дома влиятельных лиц, в том числе губернатора Обручева, супруга которого являлась одной из прихожанок костела, а Зеленко использовала в качестве ближайшего своего помощника в делах благотворительных.

Человек умеренных взглядов, далекий в главном от взглядов Шевченко, он пользовался его доверием и уважением. Об этом свидетельствует уже тот факт, что во многих письмах к Б. Залескому, отправленных из Новопетровского укрепления, Шевченко тепло вспоминает "ojca prefesta", просит поцеловать его руку. (VI, 90, 93, 105, 106, 114, 122). Одно из писем - от 9 октября 1854 - было послано Залескому в адрес ксендза.

Самое же раннее упоминание Зеленко в сохранившемся наследии поэта относится к марту 1850, когда Шевченко писал В.Н. Репниной: "Я предлагаю здешней католической церкви (когда мне позволят рисовать) написать запрестольный образ (без всякой цены и уговору), изображающий смерть Спасителя нашего, повешенного между разбойниками, но ксендз не соглашается молиться перед разбойниками! что делать!.." (VI, 66). Эскиз "Распятие", который должен был получить осуществление именно в оренбургском костеле, сохранился и опубликован. (т.8, л.55).

ЗЕЛИКЕЕВ, Хайбулла - рядовой 4-го Оренбургского линейного батальона.

"Тарас Шевченко назначен и переведен в 4-й батальон по воле господина корпусного командира, вместо него оставлен рядовой Зеликеев," - так обозначено в "Списке нижним чинам 4-го батальона, остающимся по болезни и не могущим следовать в степные укрепления, на место коих назначены из такового же батальона № 5".

Из этого документа мы узнаем, что от дальнейшего похода были, по болезни, отставлены следующие "нижние чины 4-го батальона": Сузин Адам, Давыдов Ефим, Глотов Степан, Коньков Андрей, Бушмакин Федор, Зеликеев Хайбулла, Анджейка Лейба. Вместо них в поход были из Орской крепости снаряжены рядовые 5-го батальона: Соснин Василий, Титов Иван, Дубинин Осип, Семенов Федор, Чашилов Андрей, Носков Андрей и - Тарас Шевченко, причина отправки которого ("по воле господина корпусного командира") выделена особо.

В приказе командира первой бригады генерал-майора Федяева, датированном 8 мая 1848, также значится, что "вместо Шевченко, который переведен... на службу" в степные укрепления, "из числа нижних чинов 4-го батальона оставлен рядовой Хайбулла Зеликеев". (ИЛ, ф.1, д.406, лл.110-112 и 104).

ЗЕЛИНСКИЙ, Карл Адамович - поручик, заведующий артиллерийскими чинами в Новопетровском укреплении.

Зелинский служил здесь много лет. "За плац-адъютанта" он, вместе с комендантом Маевским, подписал осенью 1855 г. документ о прибытии Шевченко в Новопетровское укрепление. (ИЛ, ф.1, д.402). В укреплении Зелинский жил вместе с женой Евдокией Каллининой (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224, лл.3-об., 5).

Прошлая деятельность Зелинского нам пока неизвестна. Возможно, что он принадлежал к польским офицерам, перешедшим на службу в русскую армию.

Шевченко считал Зелинского своим приятелем: он передавал его приветы Б. Залескому (VI, 102, 107, 111), послал с ним в Оренбург свое "Трио" (VI, 118, 120).

ЗЕЛИНСКИЙ, Станислав - рядовой 5-го Оренбургского линейная батальона.

Крестьянин Варшавской губернии, он был отдан в солдаты в 1848 г. "за побег за границу и служение в рядах познанских мятежников".

До 1857 Зелинский прослужил в этом батальоне, после чего штраф был "прощен". (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.71).

С.Зелинский являлся сослуживцем Шевченко в Орской крепости (1850).

ЗЕМЛЯК ИЗ ОСТРОВНОЙ - см. Васильев И.

О герое стихотворения Т. Шевченко "Ну що б, здавалося, слова...", написанного на Кос-Арале. (II, 105-106).

ЗЕМЛЯК ИЗ ТАЛЬНОГО - см. Середницкий Е.Ф.

Упоминается в письме Т. Шевченко к Б. Залескому, отправленном из Новопетровского укрепления в январе 1854 г. (VI, 92).

ЗЕМЛЯК СЕРАКОВСКОГО - см. Ходорович М.

Упоминается в письме Т. Шевченко к Б. Залескому, отправленном из Новопетровского укрепления в январе 1854 г. (VI, 92).

ЗЕНИЛОВ, Исхак Юсупович - прапорщик Корпуса штурманов на пароходе "Куба".

Родился в 1833 г., происходил из обер-офицерской семьи Астраханской губернии, "магометанского закона". В 1844 вступил кадетом в 1-й штурманский полуэкипаж. В 1851 - кондуктор, в 1853 - мл.унтер-офицер, в 1855 - прапорщик. В том же году переведен с Балтийского флота, где успел участвовать в действиях против англо-французского флота, в Каспийскую флотилию. (РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.475). Во время крушения парохода "Куба" в ночь с 14 на 15 сентября 1857 проявил героизм при спасении членов экипажа. (Там же, ф.256, оп.1, д.264, л.10-11).

Зенилов был одним из участников встречи группы моряков с "Кубы" на комендантском "огороде" Новопетровского укрепления 17 июля 1857, которая нашла отражение в Дневнике Т. Шевченко (см. статью Поскочин Н.П. и приложение к ней).

ЗИМОДРО, Адам Николаевич - врач на пароходе "Куба".

Родился в 1829 г. в дворянской семье, учился на медицинском факультете Университета св.Владимира (Киев), диплом лекаря получил в 1854. Удостоился серебряной медали и бриллиантового перстня за участие в боях Крымской войны и, особенно, в защите Севастополя. "Пример самоотвержения и энергии" показал "при спасении погибающих сослуживцев" во время крушения парохода "Куба" у мыса Шоулан. В дальнейшем морскую службу продолжал. В 1859 был утвержден в чине титулярного советника и назначен ст.врачом экспедиции по промеру Каспийского моря. (РГАВМФ, ф.406, оп.6, д.266, 249).

Зимодро внесен в энциклопедию как участник встречи группы моряков с "Кубы" в Новопетровском укреплении 17 июля 1857; встреча нашла отражение в Дневнике (см.статью Поскочин Н.П. и приложение к ней).

ЗИНЬКОВСКИЙ, Владимир (отчество не установлено) - арестант военно-рабочей роты в Орской крепости.

Посещая семью коренных жителей крепости Лаврентьевых, Т. Шевченко встречался здесь с разными людьми, в том числе со ссыльными и даже арестантами, имевшими право отлучаться из роты. А.Матов, записавший воспоминания А.О.Лаврентьевой, прокомментировал их так: "... Все лица у нее как-то перемешались. Некоторых ссыльных, как, например, Зенковского, она относит к эпохе пребывания Шевченко в Орской крепости, тогда как этот самый Зенковский содержался в крепости в конце 30-х годов; чего-либо существенного нам от нее так и не удалось добиться".

Меж тем, переведенный в Орскую еще в 1840 г., Зиньковский (а не Зенковский) оставался здесь более 17 лет. Только в 1857 получил он право выехать в Оренбург и лишь в 1870, уже совсем старым, полуслепым и неподвижным, дождался восстановления в дворянстве и чине. Вся эта эпопея, частично известная и Т. Шевченко, нашла отражение в документах архивного дела: ГАОО, ф.6, оп.6, д.13140/10.

Губернатор Перовский - военному министру (Из архивного дела)

В крепости Орской содержится в крепостной работе разжалованный из дворян арестант Зиньковский.

Человек этот до 1830 года служил с чином коллежского регистратора столоначальником с С.-Петербургском губернском правлении, откуда по обвинению в утрате двух делопроизводств был уволен с преданием уголовному суду. После того Зиньковский за составление подложной копии с предписания С.-Петербургского военного генерал-губернатора к обер-полицеймейстеру об актере Каратыгине по высочайше утвержденному мнению Государственного Совета в январе 1834 года разжалован из коллежских регистраторов с

лишением дворянского достоинства и записан в рядовые в Нарвский пехотный полк, а из этого полка, согласно собственному желанию и по высочайшему повелению, переведен в Новагинский полк Кавказского корпуса.

Состоя на службе в Кавказском корпусе, рядовой Зиньковский писал письма к гг.военному министру, шефу Корпуса жандармов и на имя его императорского высочества блаженной памяти великого князя Михаила Павловича, которыми просил вызвать его в С.-Петербург для объявления важной тайны, относящейся до Кавказского корпуса; но из отобранного командиром Кавказского корпуса показания Зиньковского обнаружилось, что он никакой тайны открыть

не имеет, а осмелился избрать сей предлог единственно в той надежде, что будет вызван в С.-Петербург, где пред лицом высшего начальства намеревался искать защиты в претерпеваемом им будто бы угнетении от членов С.-Петербургского губернского правления. Избавленный от наказания за таковой поступок в надежде на исправление, Зиньковский снова в сентябре и декабре 1836 года послал просьбы к гг.генерал-адъютанту Адлербергу и князю Чернышеву в казенных пакетах, запечатанных печатью Тифлисского ордонансгауза; прошения эти были препровождены на заключение корпусного командира, по распоряжению коего Зиньковский выдержан за сей поступок две недели на хлебе и воде и переведен в Тифлисский егерский полк. Здесь рядовой Зиньковский, с отчаяния о своей судьбе и разлуке с семейством, скрывшись из полка, покусился на самоубийство, но вскоре был пойман и после суда по конфирмации корпусного командира наказан при Тифлисском ордонансгаузе ста лозанами.

Наконец, в апреле месяце 1837 года сказанный рядовой, содержась на гауптвахте при Тифлисском егерском полку за вышеозначенный побег, объявил караульному офицеру, что он желает открыть известный ему государственный секрет о существовании будто бы в России тайного общества под названием Ильенохорического; это оказалось вымыслом и по доведении до сведения его императорского величества состоялось повеление определить Зиньковского в арестантские роты. Вследствие чего и по воле г.военного министра рядовой Зиньковский назначен в г.Оренбург в находящуюся здесь арестантскую № 43 роту в разряд всегдашних арестантов, а в 1840 году на том же основании был переведен в крепость Орск.

Скромное поведение и хорошая нравственность, которою постоянно отличался арестант Зиньковский в крепостной роте, были причиною того, что по ходатайству местных комендантов он из разряда всегдашних был перечислен в срочные арестанты и 27-го прошлого сентября преступник этот окончательно отбыл срок пятнадцатилетнего нахождения в крепостной работе.

На основании существующих законов (126 и 127 пункты приложения к 1375 статье т.2 Свода военных постановлений) арестанту этому по выбытии из работ еще следовало бы служить 15 лет в военно-рабочих ротах или, в случае неспособности к таковой службе, оставаться в военно-срочных арестантах 10 лет; но пятнадцатилетние труды в крепостном заключении и душевные страдания по разлуке с семейством довели этого несчастного до крайнего изнеможения, почему комендант крепости Орской, по медицинском освидетельствовании Зиньковского сделал к высшему инженерному начальству представление об исключении его в отставку.

Принимая в уважение, что арестант этот по проступкам своим, за кои он подвергнут настоящему наказанию, не принадлежит к числу государственных преступников и что долговременное наказание Зиньковского совершенно его исправило, что доказывается чистосердечным сознанием своих проступков и раскаянием, засвидетельствованными одобрительными отзывами комендантов крепости Орской, я обращаюсь к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою, не изволите ли признать возможным оказать Ваше содействие к облегчению участи этого несчастного, изходатайствовав ему совершенное освобождение от дальнейшей службы, с дозволением возвратиться к семейству его, имеющему пребывание в Новгороде, или же проживать в Оренбургской губернии, и о последующем по сему почтить меня уведомлением.

14 января 1853 г.

Военный министр - Оренбургскому губернатору

Государь император, по всеподданнейшему докладу отношения Вашего высокопревосходительства и ходатайства инспектора по инженерной части об

арестанте Орской крепости Владимире Зиньковском, который пробыл в крепостной работе 15 лет и оказался неспособным ни к какому роду военной службы - всемилостивейше повелеть соизволил: освободить Зиньковского из арестантских рот и, уволив в отставку, оставить на жительство в Оренбургской губернии...

5 июля 1854 г.

"Докладная записка" губернатору Перовскому

Ваше сиятельство... соизволили исходатайствовать, в 1854 году, у престола монарха возвращения мне свободы, коей был я лишен без суда с бессрочным заключением в крепостную работу, где томился без малого семнадцать лет. Свобода моя ограничилась увольнением меня в отставку с водворением на жительство в Оренбургской губернии, без учреждения надо мною надзора.

Избрав для местопребывания своего г.Оренбург, я прибыл сюда в сказанном году и нахожусь в нем по настоящее время, снискивая себе пропитание трудами по письменной части в коммерческих конторах у разных лиц...

... Сладко вздохнуть свободно после стольких лет страданий, но сердце мое еще не вполне воскресло духом - оно грустит и пепелится, чувствуя глубоко потерю прежнего моего звания: я был дворянин и обер-офицер, служил в Санкт-Петербурге по гражданской части, карьер службы моей был блестящий... Не смею оправдывать себя ни в чем - вполне сознаю грехи свои, но, граф, я омыл их кровавыми слезами раскаяния, искупил двадцатичетырехлетними бедствиями. Ужели мне суждено и в могилу унести с собою позорное имя преступника-изгнанника? Одна мысль об этом убивает меня, тем более, что я чувствую еще в себе способности, могущие принести полезный плод Отечеству...

... Если я не могу быть удостоен ходатайством о помиловании с восстановлением прежних прав моих и дозволении возвратиться в столицу,.. то не возможно ли мне даровать разрешение на вступление в гражданскую службу в Оренбургском крае?..

3 февраля 1857 года.

"Объявить просителю..."

1857 года февраля 10 дня Оренбургский и Самарский генерал-губернатор на прошение уволенного из крепостных арестантов Владимира Зиньковского об исходатайствовании ему прежних прав состояния и дозволения вступить в гражданскую службу, приказал: объявить просителю от канцелярии, что за оказанным в недавнее время облегчением участи его не представляется достаточных оснований к удовлетворению настоящего его ходатайства.

Зиньковский - правителю губернской канцелярии

... Потеряв совершенно надежду на восстановление когда-либо прав прежнего звания моего, я решился оставить навсегда всякое о том домогательство в будущем, и стараться только облегчить, устроить свое положение брачным состоянием, в которое предполагаю вступить с одною, избранною моим сердцем особою, не брезгующею настоящею ничтожностью моею и желающею, по чувству сердечной симпатии ко мне, призреть, успокоить и обеспечить приютом и

содержанием догорающие дни моей страдальческой жизни. Я не ищу в браке восторгов юности, но как изгнанник, как отчужденный от всего мира, одного лишь спокойствия...

... Будьте снисходительны... к желанию души моей... и помогите... в даровании мне

дозволения на подачу епархиальному начальству прошения о разрешении мне вступления в брачный союз, допускаемый законами...

3 марта 1857 года.

Из резолюции генерал-губернатора

1857 года марта 10 дня Оренбургский и Самарский генерал-губернатор, рассмотрев поданную бывшим крепостным арестантом Зиньковским просьбу о дозволении ему... ходатайствовать у епархиального начальства разрешения на вступление в брак, за уничтожением его прежнего брака по силе судебного приговора, коим он лишен всех прав состояния и отдан в арестантские роты и за безвестным отсутствием в течение более 20 лет жены его, Зиньковского, приказал объявить просителю от канцелярии, что 18-й пункт означенных правил к нему, как не принадлежащему ни к одному из званий, поименованных в том пункте, не относится, что самое право ходатайства о расторжении брака, по смыслу 13 и 14 п.п. тех правил, принадлежит не ему, Зиньковскому, а его жене, и что безвестное отсутствие сей последней... не может служить основанием к расторжению брака, - а потому испрашиваемого Зиньковским дозволения на подачу просьбы епархиальному начальству дано быть не может. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13140/10).

ЗУБИНСКИЙ, Николай Семенович - поручик, а с 1852 - штабс-капитан 1-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224).

В 1851-1853 гг. служил в Новопетровском укреплении, откуда был переведен в 8-й линейный батальон на должность командира роты. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.256). Зубинский отличался рукоприкладством, о чем свидетельствует описанная ранее история солдата Ф.Богомолова.

Это лицо упоминается в воспоминаниях Е.Косарева, но уже как участник любительского спектакля "Свои люди - сочтемся", поставленного в казармах укрепления в 1851 или 1852 гг. при участии Шевченко, исполнявшего роль Рисположенского. Зубинский (в публикации ошибочно указано - Зубильский) играл роль Большова. ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.249-253).

ЗЫГМУНТОВСКИЙ, Константин Николаевич - чиновник 12-го класса (губернский секретарь) в отставке, поверенный Астраханского акцизного комиссионерства для отпуска "винных порций" гарнизону Новопетровского укрепления. При укреплении жил постоянно; в 1857 г. заканчивал постройку собственного дома из местного камня. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.2068, л.6).

По воспоминаниям Е.Косарева, "семейство это, кроме продажи питей, имело у себя винный погребок и магазин разных для продажи вещей". Зыгмунтовский "любил тех людей, которые вызывали его на рассказы о его походах за Балканы с князем Суворовым. Он готов говорить целые дни и ночи, а где возможно даже и приврать..." ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.254-256).

Уже на первых страницах Дневника, описывая пьянство офицеров и солдат, Шевченко упоминает "спиртомера" - или, как он его называет, - "спиртомора". (V, 15-16). Сам он навещал "старика Зигмунтовского" и его жену часто, подружился с ними и посвятил этой чете в Дневнике почти всю запись от 30 июня 1857 г.

"Странные старые люди эти Зигмунтовские! - раздумывал над их судьбой Шевченко. - Бездетные, старые, одинокие, имеют обеспечивающее даже прихотливую старость состояние, вздумали поселиться в этой безводной, бесплодной пустыне. И добро бы на отдых. Нет, он взял обязанность почти цаловальника. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной в юности физической

деятельности или просто жажда к приобретению. Последнее, может быть, только вполнину, потому что в нем незаметно скряжничества..." (V, 38-41).

Зыгмунтовский интересовался творчеством Шевченко, знал о том, что он продолжает сочинять. Выписывая позднее новое издание "Кобзаря", он писал в Петербург: "... надеюсь, что в нем найду соображение здешней местности и людей". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.180-181). Отвечал ли ему Шевченко - неизвестно.

ЗЫГМУНТОВСКАЯ, Софья Самуиловна (Самойловна) - жена К.М.Зыгмунтовского. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

По описаниям Шевченко, "добродушно улыбающаяся,гостеприимная кубическая старушка, бывшая немка, а теперь православная", "добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная..." (V, 40-41).

Своих приятелей поэт окрестил "Телемоном и Бавкидой", сравнив со старыми, счастливыми и гостеприимными супругами из древнего греческого мифа. Они, в известной мере, стали прототипами образов четы Прехтелей в повести "Прогулка с удовольствием и не без морали", а также трактирщиков в рисунках "В кабаке", "Проигрался в карты" и других из серии "Притча о блудном сыне".

СПРАВКА О ЧАРКАХ И ВЕДРАХ

72 чарки спирта полагалось в год на служивого человека в гарнизоне укрепления. В дело шли все сорта вин - показывал бы спиртометр положенную крепость. Полагалось горячительное и в лазарете. Для полугоспиталя "на 60 больных ежедневного состояния" предусматривалось ни много, ни мало, а 48 ведер в год. В это лекарство тут верили больше, чем во все другие.

Но это было винным довольствием. А существовала еще и вольная продажа. Перовский настаивал: торговля вином "вредна для нравственности и здоровья гарнизонов". Прекратить же ее не мог даже он. Астраханскому винному откупу было это невыгодным. Откупищик Утин ни о нравственности, ни о здоровье нижних чинов и господ офицеров не думал - росли бы доходы.